

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

R. A. Hinde. *Individuals, Relationships and Culture. Links between Ethology and the Social Sciences.* Cambridge. 1987. 207 p.

В ряде работ, опубликованных в последнее время, было высказано предложение о разработке синтетической дисциплины — этологии человека, основанной на достижениях этологии, антропологии, социальной психологии и биологии. Особенно рельефно эта точка зрения выражена в объемном труде «Этология человека», изданном в 1979 г. под редакцией М. фон Крапаха. К. Лоренц, один из основателей этологии, видит ее перспективы в создании и разработке социально-экономической этологии.

Р. Хайнд, автор рецензируемой книги, не анализирует указанные концепции применения этологии в гуманитарных науках. Он даже не упоминает термина «этология человека», не критикует слабые стороны этой концепции. Главная направленность его работы заключается в построении своего подхода к этологии при изучении человека в условиях различных типов культур.

Особенность концепции Р. Хайнда — в структурировании уровней взаимодействия между людьми в обществе и дифференцированном использовании этологии в соответствии со статусом того или иного уровня. Для обоснования этого подхода Р. Хайнд определяет свою позицию по отношению к ряду общеметодологических проблем, имеющих значение для исследования общества и человека в целом, рассматривает соотношения этологии и социальных наук, в первую очередь культурной и социальной антропологии. Он настаивает на диалектическом взаимодействии биологических и гуманитарных наук в познании специфических черт культуры. Р. Хайнд — противник сведения всего многообразия человеческого общества к биологическим механизмам. Он критикует ученых, игнорирующих специфику человеческого способа жизнедеятельности (р. 6—7, 26).

Английский этолог отмечает существенное различие между поведением человека и животных, определяемое специфическими познавательными способностями человека, наличием культуры и высших, несвойственных животным форм организации (р. 21). Культура, которая, по мнению автора, включает в себя язык, производство материальных и духовных ценностей, обычаи, законы и т. д., не только объединяет людей и отличает их от животных, но и в большой степени «может рассматриваться как конвенциональный знак для разнообразных проявлений человеческой практики и верований, отличных между группами» (р. 3—4). Особое внимание Р. Хайнд уделяет символическому характеру многих действий человека, которые только на первый взгляд имеют утилитарную направленность, а на самом деле содержат скрытый смысл, «который может быть понят лишь в связи с социальным опытом индивида и структурой общества» (р. 7).

В свете такого понимания человеческой деятельности Р. Хайнд отвергает прямую аналогию агрессивности у человека и животных (р. 7—8), хотя и не отрицает некоторых черт сходства между ними. Он показывает огромное разнообразие проявлений феномена агрессивности у человека. Особо резко автор критикует передние в литературе сравнения межгрупповой агрессии у животных и войн у людей. Р. Хайнд называет это тотальной ошибкой, подчеркивая, что «сходство в поведенческих, психологических характеристиках деятельности не ведет с необходимостью к сходству в основополагающих механизмах и функциональных характеристиках» (р. 9). Прямые параллели между различными аспектами поведения животных и человека, по мнению английского ученого, вредят этологам в их попытках понять человеческое поведение. Р. Хайнд очень осторожен в оценке значения этологии в познании культуры, он отводит ей скромную роль — заметить новые перспективы в изучении человеческого поведения (р. 18—19).

Английский этолог предлагает изучать поведение человека на трех уровнях иерархической социальной организации: взаимодействия, отношения и социальной группы. «*Взаимодействие* включает в себя серию взаимодействий индивидов в ограниченном периоде времени» (р. 23). «Если же, — продолжает Р. Хайнд, — два индивида имеют серию взаимодействий... значение каждого из них приобретает смысл в свете опыта предшествующих» (р. 23—24). «*Взаимоотношения* — серия взаимодействий в течение времени между двумя индивидами, знающими друг друга» (р. 24). Более высокий ранг в иерархии понятий, предложенной Р. Хайндом, — социальные группы, взаимодействие которых образует социальную структуру (р. 25).

Эта система категорий потенциально продуктивна и представляет собой особый подход в познании человека и культуры с этологической точки зрения. Правда, нельзя сказать, что автор в рецензируемой книге реализовал все возможности, которые содержатся в таком подходе. Вполне вероятно, это произошло потому, что несен переход от взаимоотношений к социальной группе, а затем к социальной структуре.

Р. Хайнд исследует также комплекс проблем, связанных с поиском грани между этологией и социальными науками в познании человека в разнообразном культурном окружении. Наиболее фундаментальным общетеоретическим вопросом для него является изучение соотношения культурного и природного, социального и биологического, причем автор не удовлетворен классической метафизической постановкой вопроса «или — или» (р. 69). Английский этолог настаивает на необходимости взаимодополнения биологических и социальных наук с учетом качественной специфики тех и других. Он считает, что нет отдельных «культурных» и «биологических» характеристик индивида, а есть целостный развивающийся человек (р. 26), испытывающий влияние со стороны социального и природного окружения, находящийся во взаимоотношениях с более старшим поколением и во взаимодействии с младшим (р. 82). Р. Хайнд призывает исследовать взаимодействие культурного и природного в процессе поведения человека, его развития в оито-

генезе, анализировать одновременно общее и специфическое в разных культурах. Этим он противопоставляет свою концепцию идеям некоторых антропологов, например М. Харриса, который видит основную задачу своей науки в исследовании различий.

Преодолевая односторонность такого подхода, Р. Хайнд уделяет значительное место проблеме универсалий в культурах. Он скептически относится к универсалиям, выделяемым антропологами (например, Мердоком). Иногда его критику в адрес «так называемых универсалий» можно истолковать как отказ от универсалий вообще (р. 83—84). Что же вызывает несогласие английского этолога? Он считает, что универсалии, изучаемые антропологами, слишком эмпиричны и не могут служить общей основой для понимания различных культур и индивидов (р. 139). Основную ошибку антропологов автор видит в игнорировании при анализе универсалий различных уровней социально-культурной структуры (р. 84). Р. Хайнд полагает, что универсалии «могут быть найдены на каждом уровне социальной структуры» (р. 139), что нельзя брать отдельные специфические черты человеческого общества поодиночке от других, отрывать поведение индивида от уровня социально-культурной структуры. Базовыми универсалиями он считает склонности, предрасположение человека в первую очередь к языку и способность к символизму, которые под влиянием среды и различных исторических причин реализуются в сложных иерархических формах общественной структуры (р. 140). Таким образом, универсалии опосредуют взаимодействие между индивидом и социальной структурой.

Р. Хайнд отдает себе отчет в том, что рассматриваемые им вопросы очень сложны. Он подчеркивает, что не ставит перед собой задачу их окончательного решения, а намерен лишь показать, что общие принципы познания, применимые на одних уровнях социально-культурной структуры, не могут без ограничений применяться на других. Универсалии, выделенные на более низких уровнях, нередко неприменимы на высших. Важность этого уточнения определяется тем, что «некоторые биологи желают применить принципы, полученные при изучении животных, прямо к характеристике социокультурной структуры» (р. 141).

В процессе анализа Р. Хайнд выявляет еще одно существенное обстоятельство. «Ни одна из так называемых культурных универсалий,— пишет он,— в действительности не обнаружена в отдельной культуре, обнаруживаются только примеры класса (типа)» (р. 138). Для сравнения различных культур мы можем выделить именно определенные типы, они и есть универсалии. Поиски универсальных стереотипов мышления, поведения, невербальной коммуникации — кардинальное направление науки о человеке. Одна из важнейших ее задач — построение категориальной системы, способной отразить одновременно существенные различия этнокультурных систем и их общие черты. А способности к языку и символическому мышлению (базовые универсалии Р. Хайнда) сами должны быть объяснены на общетеоретическом уровне, интерпретированы в рамках какой-либо концептуальной системы. Эту роль в методологии Р. Хайнда играет его схема уровней иерархической организации поведения: взаимодействие — взаимоотношение — социальная группа — социальная структура. Именно в подобной системе координат возможно анализировать универсалии, а не в форме вещественно-предметных, эмпирически данных свойств человека.

В свете предложенных методологических принципов Р. Хайнд анализирует комплексные проблемы, общие для изучения животных и человека: «развитие — организм и окружение» (р. 59—69), а также вопросы, специфические для исследования человека, такие, как соотношение индивидуальных склонностей и социальных стереотипов (р. 141—144), границы применения понятия «адаптация» на высших уровнях социокультурной системы (р. 151—155), проблема взаимоотношения полов в условиях современной и традиционной культур (р. 119—136), раннее детство, анализ отношений мать — ребенок, отец — ребенок (р. 112—119). В рецензируемой работе привлекает внимание и изучение таких конкретных аспектов детства, как формирование улыбки и смеха (р. 93), межкультурный анализ роли бровей в выражении эмоций (р. 94).

Р. Хайнд касается и биологической основы психологических процессов, происходящих в детстве. Он, например, приводит сведения о том, что тактильный, термальный контакт со взрослым стимулирует биохимические процессы младенца, ритм дыхания матери поддерживает ритм дыхания ребенка (р. 113—114). Вполне вероятно, именно на пути осмысления современных данных биологии можно более полно объяснить поведенческие стереотипы. Но можно ли использовать биологию в качестве критерия в оценке того или иного этнокультурного стереотипа поведения? Этот вопрос, а именно — соответствуют ли некоторые образцы поведения, нормы установления, традиций биологии человеческого организма, подспудно присутствует в работе Р. Хайнда. Так, он сравнивает два метода вскармливания младенцев: «по потребности» (более распространенное в традиционных обществах) и «по времени» (в современных). Он считает, что вскармливание «по потребности» в большей степени соответствует биологической организации человека (р. 113—114). Такая постановка вопроса не бесспорна и вызывает возражения. Во-первых, в традиционных обществах дети растут в различном окружении, прежде всего в разных природных средах. Во-вторых, кормление «по времени» есть первая (или одна из первых) социальная норма, регламентация, определенный порядок, организующий биологическую основу человека. Все же человек с первых месяцев попадает в социальный мир.

Другой пример: рассматривая отношения мужчины — женщина в их психологическом и физиологическом аспектах, Р. Хайнд считает, что и здесь многие аспекты социального поведения предопределены биологией человека. «Физиологически мы не адаптированы к очень частым сношениям» (р. 124), — делает вывод автор.

Вопросы, возникающие при анализе формирования отношений мать — ребенок, мужчина — женщина, многоплановы и очень сложны. Безусловно, значительную роль в них играет биология. Но биология человека, особенно в этих аспектах, вариативна, и, веро-

ятно, было бы непродуктивно ориентироваться на некую «абстрактную биологию» или взаимную эволюционную пользу. Кроме того, качественное своеобразие человека, как отмечает и сам Р. Хайнд, состоит в наличии социокультурной специфики. Поэтому представляется, что более целесообразно те или иные процессы в обществе в первую очередь соотносить с этнокультурными закономерностями, а не сводить к биологической основе.

Р. Хайнд заканчивает свой анализ рассуждением о перспективах исследования проблем человека в рамках биологических и социальных наук (р. 174). Его книга представляет собой действительно изучение взаимосвязи социальной и биологической науки, поиски синтеза знаний о человеке. Он не только декларирует свою позицию о возможности применения этологии при исследовании культур, но и показывает это на практике. Ценным дополнением к этому фундаментальному исследованию взаимодействия этологии и социальных наук можно считать подробную библиографию (р. 175—197).

А. А. Белик

А. З. Романенко. О классовой сущности сионизма. Историографический обзор литературы. Л., 1986. 254 с.

Я склонен думать, что антисемитизм неоспорим, как неоспорима проказа, сифилис, и что мир будет вылечен от этой постыдной болезни только культурой, которая хотя и медленно, но все-таки освобождает нас от болезней и пороков.

М. Горький. В кн.: Щит. Литературный сборник. М., 1915. С. 54.

Академические журналы обычно представляют свои страницы для рецензирования научных трудов. Произведение А. З. Романенко, уже получившее критическую оценку в партийной печати¹, принадлежит к иному роду литературы. Тем не менее книга эта наводит на размышления, которыми мне хотелось бы поделиться с читателями «Советской этнографии».

В последнее время широко констатируется значительное отставание научной литературы, посвященной национальному вопросу, от существующей в нашей стране (да и в мире в целом) этнической реальности. Пожалуй, ни в чем это отставание не проявляется столь болезненно, как в изучении национальных проблем еврейского народа. Последние советские книги об истории, культуре, демографии, социологии евреев вышли в свет в конце 20-х — начале 30-х годов. С тех пор число научных работ по иудайке было крайне невелико. Однако за последние 20 лет книжный рынок буквально наводнился разнообразными публикациями, посвященными критике сионизма. Не вдаваясь в общую оценку этой литературы, заметим, что в силу сложившегося положения она является зачастую тем единственным источником, из которого советские люди могут почерпнуть хоть какие-то представления о еврейском народе, его этнокультурных особенностях, его истории, современном положении, взаимоотношениях с другими народами. Поэтому анализ антисюнистской литературы, как содержательный, так и социологический, является важной научной задачей. В этой связи книга А. З. Романенко с ее «историографическим» подзаголовком особенно привлекает внимание исследователя.

В рамках рецензии, к сожалению, невозможно хотя бы перечислить все передержки и извращения, содержащиеся в рассматриваемой книге, тем более что эта работа уже частично проделана Л. Я. Дадяни в упомянутой выше статье. Я собираюсь остановиться лишь на некоторых аспектах книги А. З. Романенко, имеющих, на мой взгляд, особое значение.

Один из разделов книги (с. 80—83) озаглавлен «Мощное оружие сионизма». Так автор квалифицирует термин «антисемитизм», используемый, по его словам, «антикоммунистами вообще, и сионистами в частности» для «реализации своих далеко идущих целей» (с. 80)². А. З. Романенко настолько хочет отмежеваться от идеологических противников, что на протяжении всей книги употребляет злокозненное слово только в кавычках. Как он считает, термин «антисемитизм» неприемлем прежде всего по той причине, что «В. И. Ленин, исследователи, стоящие на ленинских, подлинно научных позициях, решительно отвергают внеклассовый подход к оценке взаимоотношений между евреями и неевреями» (с. 81). Спорить с А. З. Романенко не приходится. Уместно только напомнить, что сам Ленин широко пользовался этим термином, а в речи «О по-

¹ См. Дадяни Л. Я., Мокшин С. И., Тадевосян Э. В. О некоторых вопросах историографии пролетарского интернационализма // Вопр. истории КПСС. 1987. № 1. С. 74—76.

² Та же мысль содержится и в предисловии к книге, написанном ее научным редактором, доктором исторических наук П. Ф. Метельковым (с. 7—8). Заметим попутно, что к выпуску книги А. З. Романенко причастны еще три доктора наук — рецензенты А. К. Белых, А. Н. Шмелев и В. Ф. Рябов.